

Прогнозы антиглобалистов оправдались - провал неолиберальной модели имел предсказанные ими черты. Но каковы конструктивные предложения по выходу из кризиса? Такие предложения, которые бы устроили и элиты, и обывателя?

Борис Кагарлицкий, директор ИГСО

Когда в 2008 году развернулся этот кризис, то это, в общем, было триумфом прогнозов антиглобалистов, критиков системы, критиков неолиберализма, потому что мы все дружно говорили, что это будет так и так. Причем надо сказать, что этот кризис не просто предсказывали, предсказывали довольно точно его симптомы, его причины, его механизм. Т.е. казалось бы, если взять таких авторов как Олден Белл, Сьюзан Джордж, Мартин Хор и прочих, прочих, прочих - то все, что они писали в 2007-2008 году, просто один в один начало подтверждаться. Можно было бы считать, что это было неким триумфом антиглобалистского движения, если бы не одно обстоятельство. А именно - это движение начало стремительно идти на спад именно в связи с кризисом, потому что обнаружилась весьма неприятная вещь. Что одно дело - говорить о том, что как все плохо развивается и какие неприятности нас ждут в будущем, и быть правыми в предсказании этих неприятностей. А другое дело - реально предложить, что же можно изменить ситуацию, как это изменить, и как это изменить сегодня на завтра. Причем говорить о переменах - это не абстрактно придумать какую-то модель красивую, что вот можно было бы и так, но может быть действительно и по-другому человечество способно сделать теоретически, но реально это же все упирается в известную формулу «политика - искусство возможного». Т.е. нужно предлагать что-то такое, что будет приемлемо для достаточно широкого круга населения, что будет приемлемо для какой-то части элит. Потому что в противном случае совершенно не очевидно, что удастся их побороть и найти какие-то компромиссы, что это будет приемлемо для разных обществ с теми или иными консервативными устоями и т.д. Поэтому абстрактные эти вот утопии - они не работают. И выяснилось, что антиглобалистское движение, значительная часть леворадикальной интеллектуальной среды из себя могла породить только массу красивых, ярких, замечательных утопий, противостоящих этой ужасной реальности неолиберального капитализма.

А с другой стороны, те силы, которые традиционно занимались практическим реформированием, в частности - социал-демократические партии, например - они уже давно были интегрированы в систему, они просто не занимались уже больше тем, для чего первоначально были созданы, т.е. именно реформами.

На одном полюсе мы видим идеалистов, которые настолько идеалистичны, что их идеализм никакого практического воздействия не может оказать на жизнь. На другом полюсе мы видим практиков, которые настолько практичны, что уже не понимают, что они делают, потому что они только крутят рычаги уже давно неуправляемого механизма. И это привело к мощнейшему кризису антиглобалистского движения, одним из показателей чего было, например, закрытие Европейского Социального форума. Он просто перестал собираться, некому и не о чем разговаривать. Всемирный Социальный форум еще работает, и он как раз работает более ли менее неплохо. Но в том числе и потому, что на нем начинает меняться соотношение сил, это вторая стороны проблемы. Выяснилось, что в международном плане ситуация изменилась. Потому что в антиглобалистском движении была очень интересная проблема - с одной стороны, люди все время говорят о господстве США, с которым надо бороться, о доминировании Запада, который является, в общем, злом, против которого надо выступать. С другой стороны, внутри самого же движения воспроизводится все то же самое. Именно западные эксперты, западные интеллектуалы и зачастую функционеры доминируют. Они определяют повестку дня, они определяют, кто и как должен критиковать Запад и с каких позиций, они как бы приватизировали дискурс критики Запада, его приватизировали интеллектуалы Запада. Даже если они говорят о третьем мире, о глобальных проблемах - это в значительной мере очень западный дискурс, т.е. антизападный дискурс - это в значительной мере порождение западной культуры, это такой вариант сельбст хассе, как психологи называют ненависть самим к себе, которые отражают их собственные проблемы, их собственные противоречия, их собственные неврозы, которые нам вообще-то не интересны. Нам не интересно, как они страдают угрызениями совести, нас не очень касаются их угрызения совести, и мы не можем вокруг этого строить свою повестку дня. И опять-таки, в середине 2000-х годов была четко видна проблема, что, например, восточно-европейских экспертов, активистов фактически исключили из повестки дня. Т.е. пожалуйста, приезжайте, мы рады вас видеть, выступайте - особенно по своим проблемам, расскажите, как у вас плохо. Но повестку дня, ключевые вопросы - их все формирует традиционная такая левая элита, которая воспроизводит систему доминирования не сознательно, стихийно, без злого умысла, но так получилось. И, как раз кризис движения дал возможность несколько изменить ситуацию. Т.е. сейчас ситуация такова, что страны БРИКС на переднем плане, в Западной Европе в значительной мере деморализация.

Мы видим вообще очень странные вещи, когда люди впервые за много-много лет стали ехать с Запада на Восток. Сейчас, скажем, в Польше и Чехии появились вест-арбайтеры, не знаю, итальянские официанты, которые в итальянской пиццерии, где-нибудь в Кракове обслуживают публику. И, кстати, даже в России стали появляться западные люди, которые приезжают найти себе какую-нибудь работу, не обнаруживая возможных хороших шансов у себя дома. Это свидетельствует о том, что ситуация поменялась - и психологическая, и культурная, и даже в плане ресурсов, т.е. расклады сейчас другие.

Как раз это дало старт нашей инициативе, которую мы назвали инициатива постглобализации, Post-globalization initiative. Мы это придумали в Тунисе, когда на Всемирном Социальном форуме встречались с коллегами и обсуждали что же делать-то?, очевидный тупик движения, нужно его выводить на новый уровень, и на новую повестку дня. В этом смысле Post-globalization initiative отличается от предыдущих процессов двумя вещами. Во-первых, ориентация, прежде всего, на конструктивный поиск конкретных решений, на то чтобы движение было не маргинальным, на то чтобы оно ориентировалось не просто на радикальную молодежь, на красивых, ярких, юных людей, которые будут кричать, шуметь, искренне совершенно бросаться на амбразуру, но и на так называемого обывателя, т.е. на человека, который занят проблемами сегодняшнего дня, а не поисками философского смысла жизни. На то самое молчаливое большинство, которое сейчас растерянно и нуждается в том, чтобы ему показать какую-то ориентацию, перспективу, но перспективу конкретную, понятную, а не ущемляющую его интересы. На диалог с определенными группами элит, которые тоже понимают, что так дальше жить нельзя, потому что опять таки в противном случае очень трудно будет повестку дня эту продвинуть в общественное сознание на более широком уровне, и это, повторяю, одна стороны дела. Конструктивность, но не в плане такого бескрылого реформизма, а конструктивность в плане практической реализуемости того, о чем идет речь.

И второе - это географическая реориентация. Т.е. можно сказать, что в некотором смысле изменилась не только экономическая география - изменилась идеологическая география. Т.е. мы не выступаем в роли слушателей - мы выступаем в роли тех, кто формирует повестку дня на равных естественно с партнерами, коллегами из Западно-Европейских стран, из Индии, Бразилии и т.д. И в этом смысле география Post-globalization initiative - она совершенно определенная - это Москва, Киев, Тбилиси, Санкт-Петербург, возможно, еще какие-то города в нашей зоне мира. Технически это привязано к Саммиту Большой Двадцатки, который должен происходить в сентябре нынешнего года в Санкт-Петербурге. И вполне естественно, что это сопровождается контр-саммитом, альтернативной встречей, на которой эксперты критически мыслящие собираются и обсуждают ситуацию, обсуждают другие варианты решения тех же проблем. Но опять-таки, совершенно естественно, что та страна, где происходит Саммит - она же, ее же активисты принимают и контр-саммит. Поэтому нам, что называется, и карты в руки. В любом случае, мы должны это делать. Но мы хотим использовать это как некий переломный момент, не просто для решения своих собственных задач, но и для решения задач гораздо более глобальных, для решения задач переориентации движения и подъёма этого движения на новый уровень. Когда все-таки можно говорить о том самом новом повороте, когда действительно нужно возвращаться к идеям Кейнса, нужно возвращаться к урокам Карла Маркса. Но нужно делать это, повторяю, с учетом той реальности, с которой мы сегодня имеем дело. С учетом, кстати говоря, тех руин, которые нам зачастую достались после кризиса, и с учетом того, что существует общественное настроение, массовый общественный заказ на преобразование, но не на потрясение.

Т.е. люди хотят изменений, люди хотят перемен, люди хотят социального прогресса, но не ценой катастроф, потрясений и жертв. Насколько это реально - другой вопрос. Иногда весьма умеренные и позитивные программы все равно удается организовать только ценой очень больших усилий, но это уже будет зависеть от хода истории."